

Д. Чавчанидзе

Рахель Фарнхаген и ее письма

Кто не знает имена Рахели и Беттины, которых глубокие натуры от всякого прикосновения к ним жизни издавали из себя электрические искры откровения тайн духа?

В. Г. Белинский, 1842 год

Рахель Фарнхаген (1771—1833) — не литературное имя, тем не менее без него не обходится ни один обстоятельный очерк истории немецкой литературы. Почти столетия, с перерывом на несколько лет, Рахель была хозяйкой известного литературного салона в Берлине. Это был не единственный салон такого рода на рубеже веков: традиция шла от эпохи Просвещения, когда обмен мыслями в определенном кругу способствовал новому пониманию многих тем. В Германии, например, кружок Генриетты Херц возник раньше, чем «мансарда» (Dachstübchen) Рахели, и там собирались люди интересные и интересующиеся. Но Рахель с ее тонким аналитичным умом и жаждой знания сама становилась значительным явлением для своих гостей, постоянно побуждая их серьезнейшими вопросами к глубоким размышлениям. А среди них были братья Гумбольдты, Жан Поль, Карл Филипп Мориц, композитор Карл Фридрих Цельтер, Иоганн Готтлиб Фихте, Генрих Штеффенс, позднее, в годы Реставрации, — Адам Мюллер, Генрих Гейне, беспокойный в своих духовных поисках молодой маркиз Астольф де Кюстин. Число широко известных имен, так или иначе связанных с Рахелью, можно еще и еще увеличивать, потому что почти каждый, кто имел отношение к литературной или культурной деятельности, хотя бы «мимоходом» посещал ее салон, за которым очень скоро закрепилась слава культурного центра. Многие из ярких современников, покидая Берлин, уносили с собой ту атмосферу, которая царила вокруг Рахели и ею же более всего создавалась; их общение с ней продолжалось в переписке, отражавшей не только взаимную привязанность, но и проблемы, актуальные для умов того времени.

Подобная переписка во всем ее объеме могла бы, наверное, познакомить историков литературы с разнообразием идейных тенденций такого переломного момента, каким была первая треть XIX века. Но об этом, не имея перед собой написанного корреспондентами Рахели, можно судить только по ее письмам. Они были напечатаны сразу после смерти женщи-

ны Фарнхагеном фон Энзе — верным спутником ее жизни, человеком неизменно близким ко всем новым веяниям от романтических до младогерманских, — под названием «Рахель. Книга на память ее друзьям»; через год Фарнхаген увеличил то же издание до трех томов.

В книге много писем частного характера, адресованных лицам как знаменитым, так и вовсе не известным сегодня, но, безусловно, друзьям. Мы видим, что единомышленники Рахели становились большей частью лично близкими ей, а те, перед кем она раскрывала внутренний, личный мир, — единомышленниками в сложных и волнующих вопросах, из которых этот ее мир и складывался. Таким образом, Рахель, не оставившая профессиональных литературно-критических заметок, в своих эпистолярных высказываниях воспроизвела картину целой литературной эпохи. По-видимому, она догадывалась об их важности и для постороннего читателя: Фарнхаген написал в предисловии к книге, что она *хотела* видеть свои письма опубликованными.

В европейской эстетической мысли в данный период происходило столкновение между двумя тенденциями — романтической и классической, получившей новое обоснование в теории веймарского классицизма. Рахель, для которой с юных лет до конца жизни идеалом поэта оставался Гёте, всегда придерживалась «веймарских», а не романтических критериев. Однако сама действительность, вызвавшая к жизни романтизм, накладывала отпечаток на принципиальные убеждения, поэтому взгляду Рахели иногда открывался тот же аспект в художественном произведении, что и романтикам, и *только* романтикам. Она успела стать свидетельницей заката немецкого романтизма, и по письмам очевидно, что перспектива дальнейшего развития литературы открывалась перед ней в гётевском, объективно-оптимистическом, а не в субъективно-пессимистическом романтическом освещении.

Публикуемые ниже письма адресованы другу юности Давиду Фейту, который в середине 1790-х годов, будучи студентом в Йене, встречался с Гёте и рассказал ему о Рахели (впрочем, Гёте еще раньше слышал о ней от Вильгельма Гумбольдта и Цельтера). Представленный в них разбор романа Якоби «Вольдемар» содержит классический норматив — требования рациональной ясности содержания и соответствующей ему формы произведения. Но живая эмоциональная реакция Рахели на содержание — ее эмоциональные оценки персонажей, соизмерение с ними собственной личности, переходящее в самоанализ, моментами излишне нервный (чем можно объяснить и сбивчивость стиля писем), — все это выдает натуру уже не рационального склада, а «наступающего нового дня». Становится понятным, почему время от времени Рахель сближалась с романтическими установками в отношении к человеку и искусству, хотя отрицала это, так сказать, теоретически. Письмами к Фейту полностью подтверждаются те слова, которые написал уже шестидесятилетней Рахели Фридрих Генц, талантливый публицист и государственный деятель при Меттернихе: «Вы сама и есть романтизм, Вы были им прежде, чем было найдено это слово»¹.

¹ Цит. по: Scuria H. Begegnungen mit Rahel. Berlin, 1971. S. 63.